

18+ Татьяна Холодцова

Слепая зона

Сериял в кармане

Татьяна Холодцова

Слепая зона

«Издательские решения»

Холодцова Т.

Слепая зона / Т. Холодцова — «Издательские решения»,

Они встретились случайно на заснеженной обочине дороги. Незнакомцы, которых ничего не может связывать — так они думали. А если нет? А если спаситель окажется совсем не тем, за кого себя выдаёт? Судьба приготовила им сложное испытание, в котором столкнутся вина с искуплением, ложь с болезненной правдой, желание простить с невозможностью прощения и запретная любовь, которая стоит слишком дорого.

© Холодцова Т.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Слепая зона

Татьяна Холодцова

Спасибо моей мамочке за помощь в работе над этой книгой

© Татьяна Холодцова, 2026

ISBN 978-5-0071-0458-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Татьяна Холодцова

Кондитер-декоратор, мастер международного класса. Участник и победитель множества международных конкурсов. Почетный представитель, топ-мастер, преподаватель и главный судья международной корпорации «Cake Artist World».

Я не писатель в высоком смысле этого слова. Я — записыватель. Ко мне приходят истории и терпеливо ждут, чтобы их рассказали. Я лишь бережно переношу их на бумагу — искренние, смешные, ранящие до слез...

Они повсюду: в разговоре по душам на кухне, в тихом смехе, в невысказанной обиде, в мимолетном взгляде, случайной фразе. Мое дело — подслушать мир и пересказать его вам, пропустив через призму своего опыта, интуиции матери троих взрослых сыновей, бессонных ночей и безграничной веры в человека.

Мои герои — это знакомые незнакомцы. Узнаваемые судьбы, собранные по крупицам. Я лишь помогаю им обрести голос и дарю тот финал, на который у них когда-то, быть может, не хватило смелости или который им так и не подарила жизнь. Мои изданные книги — это не просто сборники текстов, это сериал о жизни, который можно носить в кармане. Это пропуск в мир, где у каждого из нас есть шанс быть услышанным.

Глава 1

*Иногда мост в будущее можно построить,
лишь создав кирпичи из обломков прошлого.*

Снег упал ночью, укрыв грязь, опавшие листья и пожухлую траву...

Он выпал в октябре — слишком рано для Петербурга. Город не успел подготовиться: трава кое-где оставалась зеленой, последние осенние цветы еще пытались добавить городу красок, на ветках ещё болтались последние, пожухлые листья. А потом пришла ночь, и всё это — грязь, цветы, опавшую листву, пожухлую траву — сковало внезапным льдом и накрыло белым, плотным, чистым и равнодушным снегом. Слово кто-то решил, что осени больше нет, а зима пришла окончательно и бесповоротно.

— Только не сейчас! Нет!!! Пожалуйста!!!

Колеса беспомощно буксовали, разбрасывая грязную снежную кашу, но не цеплялись за асфальт. Машина, обычно послушная, редела двигателем, оставаясь на месте. Аля высочила наружу, острая ледяная крупа тут же принялась кусать и царапать, обжигая лицо, забираясь за воротник.

Женщина со злостью пнула резину:

— Дьявол! Мне надо! Срочно! — резкая боль в ноге. Брызнули слезы. Руки тряслись. Аля дышала на замерзшие пальцы, уже больше похожие на скрюченные куриные лапы. Этими лапами она отчаянно пыталась откопать проклятые колеса. Прошло всего полчаса. Казалось — вечность.

Собираясь на работу, она уже допивала чай, когда раздался звонок: «Ваш сын в реанимации... Состояние тяжелое». Аля стояла, тупо уставившись в стену. На обоях по зеленой веточке ползла красная божья коровка... «Зачем я купила такие дурацкие обои?» Она пришла в себя, когда поняла, что пытается засунуть в сапоги ноги в тапочках.

Аля всё рыла и рыла мокрый снег. Тошнота судорогой сводила желудок, уши закладывало, руки тяжелели... Ее вырвало, тело обмякло. Она стояла на коленях, тяжело дыша, опираясь руками на снег. Локти дрожали. «Я не смогу... не смогу...». Аля вытерла рот рукавом. Нет! Она будет копать этот чертов снег, пока проклятая колымага не тронется с места! И она рыла...

— Вам помочь?

Аля резко обернулась. Мужчина. Расстегнутое пальто. Безупречный пиджак. Темный галстук. В уголке чуть поджатых губ дымится сигарета. Ее дымок странным образом пахнет не табаком, а чем-то древесным. За широкой мужской спиной сыто ворчит мощным двигателем огромный черный внедорожник. Какой-то нелепо-глянцево-чистый.

— Да, ради бога! Мне в больницу, к сыну... — хрипло выдохнула Аля.

— К сыну? — Мужчина приподнял брови и кивнул. Медленно, глубоко затянулся и щелчком, отработанным и точным, отправил только начатую сигарету в сугроб. Он открыл багажник своего автомобиля, достал трос. Как же медленно он двигался! Ей хотелось поторопить его, оттолкнуть, отобрать трос и быстро сделать всё самой. «Быстрее же, ну быстрее!» Но она ждала, прижав к груди красные руки. Мужчина молча кивнул в сторону ее машины — Аля бросилась за руль.

Мощный внедорожник, чуть напрягшись дернул трос, и ее старенький, в соляных разводах «Форд» выпрыгнул из снежно-ледяной жижи.

— Спасибо! Спасибо! — Аля выскочила из машины и, плача, хватала его за руку, трясла ее в благодарности. — Что бы я без вас... вы меня спасли... Спасибо!

Спаситель мягко, но настойчиво высвободил руку. От женщины пахло снегом, машинным выхлопом и рвотой. Тяжелый взгляд на миг задержался на ее лице, полном отчаяния и благодарности.

— Не за что... — безлико произнес он, развернулся и направился к открытому багажнику своего авто, на ходу сворачивая трос.

Аля прыгнула в машину, и та, взвизгнув колесами, сорвалась с места.

Она летела по городу, «собирая» все камеры, нарушая правила. Плевать на штрафы! Скорее! Скорее! Что случилось? Что произошло?

Убрав трос в багажник, Дмитрий, так звали Алиного спасителя, сел в машину, прикурил новую сигарету, закрыл глаза и откинул голову. Там, где затылок касался мягкого подголовника, разливалась тупая, ноющая тяжесть и уже поползла к вискам, где стучала острая, звенящая боль. Скоро они сольются, и станет невыносимо. Тошнота накатывала волнами. Дима открыл окно — в лицо ударил снег, стало чуть легче. Во рту сушило от сигарет и похмелья. Он сидел, закрыв глаза, подставив лицо снегу, дожидаясь, пока приступы тошноты немного утихнут. Сейчас ему хотелось одного: оказаться дома... в горячем душе, потом глотнуть холодной минералки, упасть на постель и... пошло всё к черту! Дима с трудом разлепил тяжелые веки, свет раздражал... «Дьявол, сегодня обязательно надо быть в офисе». Он тяжело вздохнул, быстро и сильно потер ладонями лицо, глотнул из термоса кофе. Поморщился: «Надо было взять минералку...»

Он ехал не спеша. Мурлыкала музыка, уютно пахло дорогой кожей салона, сигаретами и кофе. Но сквозь эти упорядоченные, привычные ароматы пробивались другие запахи... призрачные, мерзкие — вчерашнего неважного виски, плохого коньяка и чьих-то приторных духов...

Ноющая тяжесть уже подползала к остро пульсирующим вискам — кольцо замкнулось. Боль вспучилась, лопнула и залила голову, лишив возможности думать. В горле першило. Настроение было дерьмовым. Во рту, даже сквозь кофейную горечь, пробивался отвратительно-навязчивый привкус жирной дешевой губной помады.

Зачем он вчера сорвался? Что было — помнил смутно. Вчерашний вечер расплывался в памяти мутными пятнами. Отдельными, рваными кадрами. Бар. Виски. Стук бокалов. Коньяк. Какая-то девица, обещавшая подождать его у туалета. «Рубашку дорогую помадой испачкала — дура...» Смутные обрывки: вышел на улицу без куртки. Холодно. Пытался закурить. Зачем-то пристал к какому-то парню. Вспышка гнева. Чужая кровь на костяшках пальцев. Боль на скуле. Темное пятно на снегу — кто-то упал... Он развернулся и пошел прочь... Где это было — память молчала.

Мысли вернулись к незнакомке, которая сейчас неслась по городу к своему чьему-то сыну. К сыну... Дима с силой сжал руль. Кожаный чехол мягко скрипнул. Ссадина на костяшках правой руки треснула, выпустив наружу алую капельку. Он машинально поднес руку к губам и слизнул солоноватую кровь.

Глава 2

Пахло смертью.

Не той, что воняет разложением, а той, что стерильна и бездушно нетороплива. Она витала в воздухе, замешанном на озоне и хлорке, пропитывала стены, впитывалась в кожу. В этом небольшом пространстве между внешним миром и коридором больницы, время останавливалось. Зона ожидания. Зона безвременья.

Смерть здесь терпелива. Она постепенно приучает к себе, дает почувствовать себя, рассмотреть, примерить. Она может дожидаться момента, когда о ней будут умолять и тогда она войдет важно, снисходительно, наслаждаясь моментом триумфа. А может — скользнуть змеей и воровато забрать того, кого, казалось, готова была отпустить.

За окнами кружил снежок. Толстые бестолковые снегири перепархивали с ветки на ветку. Огромный мир обыденно жил. Ему не было дела до того, что происходит здесь, в этой ярко освещенной комнате.

Дверь с надписью «Реанимация» мягко отворилась. Аля вошла в глухой, липкий кокон ужаса. Тихий гул аппаратов, ровное шипение кислорода, прерывистый писк мониторов. Здесь не пахло вареной капустой, как в больничных коридорах. Еда — это про жизнь. Здесь пахло лекарствами и больными телами. И от этих тихих звуков и безжизненных запахов острый ужас тонкой иглой входил под ребра, заставляя сердце сжиматься.

На подгибающихся ногах Аля подошла к кровати. Ей разрешили только пять минут.

Вот он — ее мальчик. Еще вчера спорил, смеялся, хрустел сушками с маком... сейчас лежит неподвижный, восковый, чуждый. Лицо — белая маска, с будто нарисованными черным фломастером синяками. Тело — манекен, опутанный проводами и трубками, уходящими в мерцающие коробки.

Зеленые змейки на мониторах прыгали резво и насмешливо, словно дразня: «Смотри, он еще тут, твой сын. Пока тут. Пока тут. Пока тут...»

— Даня... — имя выдохнулось сиплым шепотом, таким тихим, что его поглотил гул аппарата ИВЛ, дышавшего за него. Вдох-выдох. Вдох-выдох. «Пока тут, пока тут»...

«Странно, как это происходит? Это Даня двигает насос или насос надувает Данины легкие?»

Время и пространство вокруг странным образом изменились. Время сделалось медленным, густым. Оно потекло мимо, лаская горящие щеки, как прохладный поток в жаркий день. И вдруг... Два сверкающих ангела медленно влетели в палату. «Какие большие крылья. Им же неудобно, здесь так тесно... К кому они? Как?! Нет! За ним? Не отдам! Еще не время! Ему еще не время!» — хотела крикнуть мать, защищая сына, но из горла вырывались лишь отдельные звуки. Ангел ласково коснулся ее руки.

— Не волнуйтесь, мы только капельницу поменяем, — тихий голос грохнул раскатом, вернув в реальность. Сверкающие крылья осыпались мерцающей пылью, обнажив белые медицинские халаты.

«Не ангелы... медсестры. Хотя сейчас для Даньки они именно ангелы...» — со странным спокойствием подумала Аля.

Она смотрела на сына и видела не взрослого Даню, оплетенного паутиной трубок и проводов, а трехлетнего мальчонку, в пижамке с медвежатами, крошечного и такого одинокого на огромной кровати. Аля недоуменно посмотрела на стоящего рядом врача: «Неужели он не видит?» — снова перевела взгляд на сына. «Нет, не малыш — взрослый». Рука поверх одеяла — бледная, тонкая, почти девичья. На пальцах, пару дней назад летавших по клавиатуре, — датчики. На костяшках — ссадины. Защищался...

Ком в горле, такой огромный, казалось, он разорвет ее изнутри. Она сглотнула. Слюна царапнула горло словно битое стекло.

Врач всё что-то говорил, говорил... «Черепно-мозговая... ушиб спинного... отек... осторожные прогнозы... искусственная кома — не лечение, это способ дать мозгу отдых, пока мы боремся...» Его слова — просто звуки. Они пересыпались, как сухие камешки, собираясь в кучки фраз и снова распадаясь на отдельные камешки-слова. В них не было смысла. Они никак не вязались с Данькой. Он же еще вчера дразнил ее, притворившись, что съел пирожное, которое она приберегла себе к вечернему чаю... а сейчас — «мы боремся»...

Аля смотрела на губы врача. Они двигались слишком быстро, слишком деловито. Ей захотелось попросить его замолчать. Спросить, не больно ли ему самому от этих слов. Наверное, нет. У него очень спокойные, очень живые глаза серьезного человека, который привык говорить болезненные слова каждый день.

Врач снял очки, потер двумя пальцами глаза, посмотрел на Алю и поняв, что не дождется вменяемых вопросов, взял ее за локоть:

— Чуть позже подойдите к посту медсестры, я вам еще раз всё объясню... — затем развернулся и вышел. Дверь закрылась с едва слышным щелчком, отсекая внешний мир.

Они остались одни. Как всегда. Только раньше их мир был полон света, смеха и мечтаний, сейчас — гул аппаратов, тишина и осторожные прогнозы.

Аля наклонилась. Медленно, осторожно. Ее губы коснулись виска сына — такого теплого, такого живого, такого родного.

— У нас всё еще будет, — прошептала она. — Ты только вернись.

Она выпрямилась, постояла секунду, глядя на закрытые глаза своего мальчика. «Кто это сделал? Кто эта тварь?». Она аккуратно отвела прядь волос с его лба и пошла к двери. В коридоре Аля прислонилась к стене. Ноги держали. Странно. Она думала, упадет, но ноги держали. Потому что сейчас так надо.

Глава 3

Снег валил стеной. Аля, сгибаясь под тяжестью двух пакетов, брела домой, не видя ничего, кроме крошечного кусочка заснеженного асфальта, на который надо поставить ногу. Шаг-другой, шаг-другой... Надо просто идти, идти вперед... шаг-другой, шаг-другой.

Из парадной выскочила девочка лет пяти в розовом пуховичке, громко визжа от восторга, поймала ртом снежинку. Аля обернулась. Внутри что-то стукнуло, коротко и болезненно, глаза зашипало. Озорной детский смех сейчас звучал дико. Она не улыбнулась, как обычно, видя забавы малышей, просто опустила голову и побрела дальше.

В ушах стоял монотонный гул из разных звуков и слов: тревожных врачей — «искусственная кома», «стабилизируем», «ждем» и равнодушных полицейских — «будем искать».

— Сынок, держись! Держись, милый, борись! — прошептала Аля еле слышно, бредя по заснеженному тротуару.

В шуршащих пакетах болталось то, что полагается покупать в ситуациях, когда есть надо, а не хочется: йогурты, колбаса, бананы, хлеб. Какая разница, что есть... Еда-функция, еда-топливо для поддержания жизни в ожидании чуда.

Аля представляла, как сейчас, проскользнув в спасительное тепло парадной, поднимется на пятый этаж, откроет дверь. Собака, конечно же, бросится ее встречать... Но у хозяйки сейчас нет сил на радость, нет сил на эмоции. «Прости, любимый зверек, не сейчас... не сегодня». Она сядет на диван в пустой темной комнате и будет молча смотреть на темный экран телефона, будто ожидая от него ответа на все свои вопросы.

У нее много неотвеченных сообщений и пропущенных звонков. Позже она обязательно всем ответит и перезвонит... а сейчас, не раздеваясь, свернется калачиком на диване и провалится в тяжелый тревожный сон. Врачи сказали ждать, не приходить, больше не пустят... «Ждите, сейчас нужно время. Организм молодой, сильный, должен справиться!»

Вдруг сквозь метель и гул собственных мыслей она услышала голос. Низкий. Спокойный. Узнаваемый:

— Как ваш сын?

Аля обернулась. Рядом с тротуаром плавно, как корабль в тумане, замер черный внедорожник. Наглые снежинки залетали в открытое окно и мгновенно таяли в тепле салона. На нее смотрел мужчина из сегодняшнего утра. В свете приборов его лицо казалось резким, скульптурным. В глазах не было праздного любопытства — лишь сосредоточенное, тяжелое внимание.

Слова застряли у Али в горле. Вежливая, стандартная фраза «Спасибо, врачи борются» показалась такой же фальшивой и ненужной, как эти бананы в пакете. Захотелось взять всю свою боль, всю непосильную тяжесть, словно мокрый тяжелый мешок, и сбросить на эти широкие плечи. Пусть подержит, хоть пять минут, чтобы она могла вздохнуть глубоко, полной грудью... Хоть пять минут...

— В коме, — выдохнула она, и голос предательски дрогнул. — Искусственная кома. Никто не знает... что случилось, в полиции разводят руками.

Его пальцы, лежавшие на руле, слегка сжались. Мельчайшее движение, но она его поймала.

— Мне очень жаль, — произнес мужчина тихо.

Его взгляд скользнул по ее заснеженным волосам, по красным от холода и тяжести рукам, сжимающим ручки пакетов.

— Садитесь, я вас подвезу до парадной. — в его интонации не было навязчивости, лишь практическая озабоченность. — Похоже, мы соседи. Вон мой дом. — Он показал глазами на светящуюся высотку.

Аля машинально кивнула. Мысли путались, силы были на исходе. Сейчас она принимала помощь не задумываясь, впитывала ее, как сухая земля долгожданный ливень.

В машине было тепло. Тепло, обволакивающее, почти одуряющее, после колкого ледяного ветра снаружи. Уютно, пахло кожей и каким-то очень мужским брутальным парфюмом — густым, древесным.

— Меня зовут Дмитрий, — сказал он, плавно трогаясь с места, не посмотрев на пассажирку.

— Аля, — ответила та, глядя в окно на проплывающие мимо размытые огни.

— Аля, — повторил он, словно примеряя имя. — Вы сказали, никто не знает, что произошло?

Аля закрыла глаза. Столько всего произошло с того момента, как она услышала в телефонной трубке спокойный голос врача. Столько изменилось и сломалось в ее жизни, что никак не верилось в то, что этот сумасшедший день еще не закончился... Столько людей, которых не должно было случиться в ее жизни. Вот этот мужик, например... Зачем он? Утром вытянул машину... Ладно, хорошо... А сейчас он зачем?..

Машина прыгнула на ледяной колдобине, Аля вздрогнула. Оказывается, она задремала, точнее не задремала, а просто провалилась куда-то в пустоту. Вынырнув из пустоты, она тут же вспомнила вопрос мужика. «Как его? Дмитрий... Да, Дмитрий...», вспомнила и то, что из больницы она поехала в полицию, где два часа просидела в кабинете следователя. В кабинете, где сидели двое следователей, молодой сонный с прыщавым подбородком и суточной щетиной да второй, постарше, вечно роняющий бумаги, пахло застарелым мужским потом, бумагами и колбасой. Усталые, равнодушные лица. Больше суток на ногах... У них — план, а тут очередной пьяный мальчишка. Это их спокойное рассуждение, сквозь сигаретный дым и звяканье ложки в кружке дешевого растворимого кофе: «Камеры смотрят в сторону, свидетелей не найдено... да и, поймите, молодой человек, был в состоянии алкогольного опьянения, возможно, сам к кому-то пристал... часто выпивал-то?». «Нет! Нет! Не мог он ни к кому пристать, да и выпил немного, отмечал свой первый самостоятельный проект. Завтра с друзьями хотел собраться...» Переглянулись, смотрят хмуро — не верят...

— Нет, — она разглядывала свои пальцы, — Ничего. Он просто... лежал в снегу. Ударился головой и спиной о ствол упавшего дерева. Врачи говорят, очень неудачно ударился, — ее голос споткнулся.

Боковым зрением Дима заметил — что-то блеснуло. Слеза, одинокая, крупная, капнула ей на руку.

Тишину салона нарушали лишь мягкий гул двигателя и свист метели за стеклом.

— Это невыносимо, — не ожидая от себя такой откровенности, выпалила Аля. — Не знать. Не понимать, кому сказать «спасибо» ... тому, кто его нашел, и... и не знать, кого винить... — она не договорила, закрыв лицо руками.

Дима снова сжал руль.

— Я могу помочь, — прозвучало тихо, но четко. — У меня есть... связи. Неофициальные. Дайте мне номер телефона. Если я что-то узнаю, я позвоню. И вот... возьмите... звоните в любое время. — он достал из внутреннего кармана пиджака не стандартную визитку с логотипом фирмы, а плотный матовый картон личной карточки. Черный прямоугольник с белыми буквами. В его пальцах он выглядел как пропуск в другую жизнь, где были связи, где могло существовать спасение.

В его предложении не было бравады или снисходительного великодушия. Была та же спокойная уверенность, с которой он выдернул ее машину из снежного плена. Это предложение стало соломинкой, за которую Аля готова была ухватиться.

— Запишите свой номер.

— Да, — быстро согласилась она, роясь в сумке в поисках ручки. — Да, сейчас, минутку... Остановите у первой парадной, пожалуйста...

Он кинул не нее быстрый взгляд и протянул свой телефон.

— Сюда запишите...

Аля взяла телефон. Их пальцы ненадолго соприкоснулись. Его — крупные, теплые, с аккуратными ногтями. Ее — тонкие, красные, всё еще дрожащие.

Машина мягко остановилась около нужной парадной.

— Аля, в какой больнице лежит ваш сын?

— В сороковой, в Сестрорецке. Поляков Даниил.

— Угу, — Дима кивнул, — я вас понял.

Аля вышла из машины.

— Спасибо вам. И за утро... и за сейчас.

Он лишь кивнул. Взгляд снова застрял на ее лице — усталом, бледном, с синяками под глазами. В нем было что-то неуловимое, что заставило забыть о банальных фразах, вроде: «держитесь», «всё будет хорошо».

— Я позвоню.

Аля захлопнула тяжелую дверь. Внедорожник медленно растворялся в снежной суетливой мгле, она стояла и смотрела, как исчезают в белой пелене красные огоньки черной машины.

Дима ехал аккуратно, пробираясь по заснеженным закоулкам заставленных машинами дворов. Высадив Алю, он шумно выдохнул, откинув голову на подголовник. Перед ним стояло лицо Али — искаженное болью, погасшее... Лицо, с которого стерли интерес к жизни. Он даже не смог бы ответить сейчас, была ли эта женщина привлекательна. Пожалуй нет... Хотя, такое выключенное из жизни лицо невозможно оценить... Следом за размышлениями об Але замелькали обрывки вчерашнего вечера: снег, удар, темное пятно в снегу... Дима дернул головой, будто пытаясь вытряхнуть воспоминания вместе с сомнениями: «Нет, не может быть... не может быть такого совпадения» — в виске кольнуло не больно, но мерзко. Он резко провел рукой по лицу. На секунду ему снова запахло вчерашним коньяком и чужими духами. Гадкое воспоминание вьелось глубоко и оставило липкий, токсичный осадок.

Мозг сверлила мысль: «Что я делаю? Что, черт возьми, я делаю?» «Помогаешь, приду-рок, — рывкнул внутренний голос, пропитанный похмельной горечью. — Ищешь оправдание. Строишь из себя спасителя. Твоя вчерашняя драка — совпадение. Ты хочешь помочь ей, просто потому что очевидно — больше некому, а ты уже ввязался». Дима сглотнул. Неожиданное осознание приплелось последним: «В ее глазах ты сейчас был опорой. И это чувство — пьянее любого коньяка. Правда, дружок? Ты сильный, ты нужен... ты помогаешь не ей... Себе?».

Ответов на вопросы не было. Был только снег за стеклом и странное желание помочь растерянной и раздавленной отчаянием женщине.

Аля сидела одна в темной тишине пустой комнаты. «Почему я согласилась? Почему доверилась незнакомцу? Первому встречному? — думала она, крутя в пальцах черную визитку. — Потому что отец Дани никогда не интересовался ни мной, ни сыном? Потому что старший брат — простой инженер на другом конце страны? Потому что коллеги, подруги, искренне сочувствуя, могут лишь принести пирог и поплакать вместе? Никто из них не живет в том мире, где вопросы решаются неофициальными запросами. А Дмитрий — живет. На черной карточке не было логотипа. Только имя, фамилия и номер телефона.

Крупная горячая слеза капнула на руку. Аля подняла руку, слеза покатилась по тыльной стороне ладони. Наклоня ладонь, задумчиво наблюдая, как капелька катается по ее руке, Аля прошептала:

— Одна рожала. Одна растила. Одна теряю... Данька, не оставляй меня одну.

Телефон тихо звякнул — еще сообщение. Аля положила черную визитку на светящийся экран, усыпанный значками непрочитанных сообщений. Не раздеваясь, она легла на диван, накрылась пледом, который помнил Данино детство...

Свет уличного фонаря, разбившись о занавеску, отбрасывал на лицо Али кружевную тень. Тихо тикали часы, где-то далеко лаяла собака. Аля спала без сновидений, как тогда, двадцать три года назад, обезумев от усталости...

Тогда она была молодой, глупой и безумно влюбленной. Алик не был картинно красив, мужественен или харизматичен. Он был долговяз, по-юношески худощав, носил нелепый костюм, но ей казался принцем. Молодой человек очень быстро смог очаровать юную Алю. Вытягивая гусиную шею из бесформенного пиджака, он философствовал, ощущая себя очень взрослым и очень мудрым. Поучая со столичной снисходительностью юную Алю, он вплетал заумные слова в банальные фразы. Когда же девушка, светясь от счастья, сказала: «Я беременна», — его лицо вдруг сразу как-то скисло, обмякло, стало чужим и серым. Всего его будто выключили изнутри. Она запомнила не слова, а то, как он смотрел — мимо нее. Через неделю Алик исчез. Просто и навсегда.

Ей только-только исполнилось восемнадцать. Больно. Обидно. Страшно. Родители — на другом конце страны. О беременности она им не сказала. Мама тяжело болела, и отец не мог ее оставить. Когда пришло время рожать, Аля открылась родителям — они не осудили. Через месяц после рождения сына, не стало мамы. Через год ушел папа. Остался старший брат, который помогал деньгами, но виделись они редко.

Аля осталась одна, с младенцем на руках. Первые годы материнства сплелись в один клубок: бессонные ночи, бесконечные пеленки, постоянные болезни. Она научилась делать всё, одной рукой качая коляску: варить суп, гладить белье, подписывать квитанции. Однажды прорвало трубу в ванной, и Аля в ночи пыталась перекрыть вентиль разводным ключом, который был больше ее руки. Ключ соскальзывал, вода хлестала, она плакала в голос, но крутила ключ. А потом, когда, наконец, справилась — сидела на мокром полу и смеялась. Сквозь слезы, но смеялась. Потому что поняла: справилась. Сама.

Данька подросток, Аля смогла поступить в институт...

Они всегда были командой. Всегда были рядом, всё делали вместе. Например, клеили обои в Даниной комнате, когда ему было двенадцать. Обои были дурацкими, с корабликами, и Аля с Даней умудрились измазать клеем всё: потолок, пол, себя. Они ругались, орали друг на друга, обвиняли в кривых руках, а потом, когда всё-таки доклеили последний кусок, поняли, что на одной стене кораблики плывут вверх ногами. Они хохотали минут двадцать. И эти дурацкие, перевернутые кораблики стали их любимой семейной легендой.

Из этих воспоминаний и была соткана ее жизнь. Из общей радости, когда заработал старый телевизор, из совместного ремонта велосипедов, поездок к морю и молчаливых вечеров, когда каждый сидел со своим ноутбуком, но в одной комнате, и этого было достаточно.

Мужчины... Они, конечно, были. Аля не надевала на себя монашескую рясу и не отвергала от себя простые женские радости. Но она не впускала их в свою жизнь. Решила, что пока Даня не встанет на ноги окончательно, пока не уйдет в собственную жизнь, она не имеет права расслабляться и думать о себе.

Она готовила себя к уходу сына с самого его рождения. Знала, что это случится. Он вырастет, влюбится, женится, уйдет. Знала и не боялась этого. Наоборот, хотела успеть. Успеть вложить в него всё, что можно. Чтобы, когда он уйдет, он ушел — мужчиной. Не мальчиком, который сбежит от своей беременной девушки, прячась за спину мамы, а тем, кто умеет держать удар, отвечать за слова и поступки, умеет чинить велосипеды и клеить обои, пусть и вверх ногами...

Глава 4

Его дом был хорош. Очень хорош. Вылизан до стерильного блеска, как операционная после сложной, но бессмысленной операции, при которой пациент умер, несмотря на усилия врачей. Безупречные линии, холодный мрамор пола, дорогая, но простая мебель. Здесь не пахло ни едой, ни жизнью, ни случайной радостью забытой на столе чашки.

Пахло одиночеством. Всегда. Особенно те десять лет, что он жил здесь не один. Тогда это было одиночество вдвоем — самый изощренный и невыносимый его вид, но он устраивал обоих. Теперь же, когда его абсолютному одиночеству были уже сутки и вещей жены не осталось (когда только успела?), Дима примерял свой дом заново.

Вернувшись домой, он медленно обошел квартиру.

На столике возле дивана осталась единственная не его вещь — тяжелая хрустальная пепельница «Moser», привезенная ими из поездки в Чехию. Как жена радовалась тогда, купив ее, но с собой отчего-то не забрала. В пепельнице лежали два окурка. Ее — тонкий, ровный, с помадой на фильтре. Его — скрюченный, скуренный почти до фильтра. Вчера они курили вместе. Молча. После ее последних слов: «Я ухожу, наш брак ошибка. Ты — ошибка!» Он так и не выбросил пепел. Дима снял обручальное кольцо, покрутил между пальцев и положил рядом с пепельницей. Прикурил сигарету.

Он открыл двери в гардеробную. Зажегся мягкий свет. Пахнуло ее духами. Дима выдохнул длинную струю сигаретного дыма в гардеробную. Полки на ее половине — пусты. Остались только вешалки, криво болтающиеся на перекладине. Усмехнулся: «Одежду забрала, а вешалки оставила...» Одинокий тончайший чулок торчал из-под комода, словно последний свидетель их общего быта, который она забыла, не заметила. Она всегда носила только чулки... С широкой полосой ажурного кружева по верху. Первое время Диму дико заводила эта кружевная полоска на стройной ноге жены. Сейчас же он равнодушно смотрел на идеальный чулок, как на сброшенную змеиную кожу.

Он продолжил обход квартиры. В прихожей остановился. На столике у зеркала валялась связка ключей — он бросил, войдя в дом. Раньше жена каждый раз перевешивала их в ключницу. Молча, но с таким видом, будто муж совершил мелкое, но досадное преступление. Дима глянул на ключницу, взял ключи, подбросил на ладони и... бросил обратно. Пусть лежат.

В ванной — одна зубная щетка. Все женские флакончики и баночки исчезли. По квартире словно прошлись специальным пылесосом, который втянул в себя всё, что касалось бывшей жены. Удивился — быстро же он присвоил ей статус «бывшая жена». Дима грустно усмехнулся: «Пришла в мой дом со своими вещами и ушла, просто забрав свои вещи... Как будто ее здесь и не было все эти годы, не оставила следа. Дом просто стал прежним».

Первый шок от расставания прошел, но на смену ему так и не пришли другие чувства. Вообще никакие чувства не пришли. «Зачем же я так надрался? С чего?» Сегодня уход жены не казался событием, из-за которого можно было напиться так, как он вчера это сделал... «Ушла и ушла...»

Дима остановился посреди просторной гостиной с видом на ночной город. Сколько бы он не пытался размышлять о жене — видел лишь лицо Али. Сначала — искаженное болью, затем — пустое, бесцветное... А потом — темное пятно в сугробе... Его собственный, пьяный след в незнакомой жизни. «Нет, — шипело в виске. — Не может быть»...

Жесткие слова жены вертелись в голове бесконечной каруселью, смешиваясь с похмельем и нарастающим чувством вины перед «темным пятном», кислотой разъедающим душу. Ошибка. Вот из-за чего он напился, не из-за ухода жены... из-за этого нового статуса — ошибка. Да. Он и был ею. Идеально откалиброванной, статусной... Внешне безупречным сосудом, внутри которого ничего не было. Поэтому она ушла, а он остался. Он не расстроился,

потому что в сосуде не было ничего... никаких чувств. Теперь он, разрушивший и свою жизнь, и жизнь жены, возможно, разрушил еще чью-то.

— Алиса, стоп, — негромко приказал он. Тихая музыка смолкла.

Дима подошел к холодильнику, открыл и долго стоял, глядя внутрь, пока тот не запищал, возмущённо требуя закрыть дверь. Есть не хотелось. Он достал бутылку минеральной воды, плеснул в высокий стакан. Минералка радостно зашипела. Веселые пузырьки закружились, торопясь наверх. Дима вернулся к окну. Он посмотрел сквозь бурлящую пузырьками воду на город, который дрожал внизу сотнями огней, переливался лентами забитых машинами дорог, порошил снегом. Стоя в теплой тишине дома, Дима вспоминал свой брак, который разрушился так резко, словно внезапно захлопнули крышку рояля, оборвав привычную, но заунывную мелодию.

Они встретились двенадцать лет назад на общем проекте. Закрутилось. Понеслось. Через два года зачем-то решили пожениться, хотя каждый из них толком не понимал — для чего... Ритуал. Отметка в списке жизненных достижений — так положено.

Со стороны их брак был хорош. Показательно хорош. Как его дом. Эффектная пара успешных людей. Просто рекламный буклет «Счастливый брак». Он — громадного роста, широкоплечий, с янтарно-кариими глазами в обрамлении черных, не по-мужски пушистых ресниц. Привлекательный настолько, чтобы не казаться слащавым, но достаточно для того, чтобы обаять собеседницу. Она — миниатюрная статуэтка с копной рыжих волос, пронзительно голубыми глазами и характером бригадного генерала. Ее необычное имя — Милена — прекрасно подходило к ее образу, но абсолютно не вязалось с характером... Все, кто, поведясь на ее ангельскую внешность, рассчитывали на легкую победу, считая ее милой дурашкой, сталкивались с бетонной стеной въедливого ума, острыми лезвиями сарказма и железными зубами деловой хватки. На совместных переговорах Дима забавлялся, наблюдая, как она играючи ломает самоуверенность бизнес-партнеров, и те, ошарашенные чудовищной разницей между внешним и внутренним, попадали к Диме слегка оглушенными и оттого податливыми. Вместе они составляли эффективный бизнес-тандем, напоминавший капкан или изощренную ловушку. Он вспомнил, как однажды, сидя в ресторане, они одновременно улыбнулись подошедшим знакомым. Их улыбки, отразившиеся в зеркале, были так идеально белы и синхронны, что его бросило в дрожь, словно он увидел двух андроидов.

Супруги так же синхронно улыбались с фотографий идеальных курортов, сидели в идеальных ресторанах. Даже их ссоры были какими-то идеальными. Без криков, без хлопанья дверьми и разбитой посуды — холодные, тихие, но с точными ударами по жизненно важным местам. Ударами, после которых не оставалось синяков, только внутреннее кровотечение.

В этом идеальном браке так и не зажглось, не зародилось что-то самое важное, без чего брак не становится семьей. А ведь было же что-то. Было.

Дима подошел к двери спальни, толкнул ее одним пальцем. Дверь бесшумно открылась. Он стоял, глядя на большую двуспальную кровать... Да — было. В первое время они вообще не могли оторваться друг от друга, рискуя быть застигнутыми в совершенно не подходящих местах. Их страсть сводила с ума, порой сметая на своем пути осторожность и благоразумность. Не раз Дима, взъерошенный, с галстуком на боку, одной рукой открывал дверь секретарше, чтобы выпроводить ее, другой прижимал к стене Милену. И позже их брачная постель не была местом молчаливой договоренности или холодного долга. Нет. Бывало по-разному. Была и нежность, и внезапная, почти животная страсть, которая перекрывала дыхание, от которой темнело в глазах. Он помнил, как впивался пальцами в ее бедра, оставляя на идеальной коже следы, которые жена потом спокойно разглядывала в зеркало, говоря: «Дорогой, будь в следующий раз сдержаннее, осторожнее». Были ночи, когда их тела, горячие и влажные, сливались в отлаженном, яростном танце, и казалось, вот он — предел близости... Но наступало утро. Они пили кофе. Молча... погруженные каждый в свои мысли или телефоны. И он с удивлением

замечал, что смотрит на нее, свою жену, красивую женщину, совершенно спокойно. Сердце в эти мгновения не замирало, не билось бешено, не пело. Оно молчало. Оно молчало все двенадцать лет. И Дима был уверен, что так и должно быть. Что страсть — это для тела, а тишина — для души и сердца. И лишь сейчас, глотая колючую минералку, он с пронзительной, почти физической болью осознал, что это была не тишина. Нет! Это была — глухота. Полная, абсолютная. И оглушили не брак, не привычка, не годы. Оглушила эта правильность, идеальность.

А там, утром, у машины, в сорванном голосе, в беспомощных пальцах, в сумасшедшем взгляде — все было неправильно. Аля стояла на коленях и голыми руками, с отчаянием безумца, разгребала снег, пытаясь откопать колесо. Это был жест абсолютной беспомощности и одновременно — несломленной воли. Именно это — ее руки в снегу — остановили его, не условность «надо помочь даме». Если бы она просто стояла и ждала помощи, он — проехал бы мимо. Если бы она стояла и плакала у машины, он скорее всего — проехал бы мимо. Но этот бунт, эта попытка голыми руками победить стихию... Это было сильнее него... Именно тогда кокон, в котором он, оказывается, комфортно жил все эти годы, треснул. Теперь сквозь трещину сочилась глухота.

Дима остановил свои мысли об Але: «Нет, надо доосмыслить... додумать... довспоминать... что же было потом? С женой?» А потом был — приговор. Его диагноз — бесплодие. Его несостоятельность, зафиксированная на официальном бланке, который он скомкал и быстро сунул в карман, словно это был приговор не просто фертильности, а всей его мужской сути. Он даже не задумывался, хотел ли детей? До диагноза, вроде нет... Они никогда с женой это не обсуждали. Но теперь Дима знал, что никогда не сможет их иметь, а это дефект на его идеальном портрете и на картине идеального брака. Он вроде бы расстроился, подбирая правильную, социально одобренную реакцию. А жена? Он так и не понял, так как не увидел в ее глазах ни боли, ни злорадства, ни облегчения. Пустота. И вот итог — «Я ухожу. Ты — ошибка».

Мысли не слушались, они снова настырно летели в утреннюю снежную круговорот... «Интересно, — с горькой усмешкой думал Дима, — двенадцать лет с элегантной, безупречной женщиной — и ни разу, ни одного похожего толчка в груди. А тут... Мгновение. Утро. Снег. Она. Растерянная, с красными от слез глазами. Тонкие красные пальцы... И голос, сорванный, надтреснутый: «Да, ради бога! Мне в больницу, к сыну...». Что тогда глухо, по-звериному, стукнуло где-то под сердцем, заставив кровь ударить в виски? Тело, замороженное годами в удобной позе успешного человека, вдруг дернулось живой судорогой. И этот контраст между внутренним звериным оскалом и внешним ледяным спокойствием был так силен, что на мгновение заложило уши, а в носу и глазах заципало, словно от едкого дыма...

Да, именно тело среагировало первым, опередив мысль. Словно какой-то древний, давно уснувший механизм внутри вдруг звонко щелкнул. Заставил сердце сделать непривычный, болезненный кувырок, раньше, чем мозг успел выдать хоть какую-то, даже самую примитивную логическую цепочку. Пришлось долго и глубоко затянуться сигаретой — не для бравады, а чтобы просто выиграть секунду передышки.

Дима вернулся к окну. Поток машин редел. Огней становилось меньше. Город успокаивался с наступлением вечера. Сплошные ленты огней превратились в прерывистые линии. Затем огни стали одиночными. Светофоры перешли в дежурный режим и мигали желтым хищным глазом: «Будь осторожен, будь осторожен».

Дима стоял не шевелясь, внутри него шла борьба совести с разумом. Циничный разум настойчиво убеждал: «Успокойся, это не он. Такие совпадения бывают только в бульварных романах или сериалах. Ты был в другом районе. Ты ничего не помнишь, потому что помнить нечего. Ввязываться — глупость. Отдал визитку? Ну молодец, джентльмен, предложил даме помощь. Пусть полиция занимается, забудь». Совесть колола раскаленной спицей и шептала: «А ее лицо? Ты видел, как она смотрела на тебя? Как на спасителя! Ты дал свой номер, сам

предложил. Она тебя ни о чем не просила! „Фрида, Фрида, меня зовут Фрида...“ — Дима усмехнулся, — та же ловушка... случайно дал надежду — должен оправдать...».

И тут, сквозь шум крови в ушах и этот отчаянный спор совести с разумом, он услышал еще один голос. Тихий, едва различимый, доносившийся из самой глубины грудной клетки. Он был так непривычен, что Дима на мгновение замер, перестав дышать, пытаясь его опознать. Это был не шепот совести и не вопль разума — что-то иное. Простое и ясное. «А я хочу ее, — сказал голос. — Мне не все равно! Дай!». Дима остолбенел. Это было его сердце. Та самая глухая мышечная полость. Оно не просто забилося — оно заговорило. И его простые, детские слова обожгли сильнее самых изощренных аргументов. Он с удивлением осознал, что у этого неуклюжего комка плоти, оказывается, есть собственный голос. И свое право. Право хотеть. Не анализировать, не взвешивать риски, не казнить, а просто — хотеть. Хотеть видеть. Хотеть слышать. Хотеть чувствовать.

Это было так примитивно и так неоспоримо, что все доводы разума и уколы совести умолкли, ослепленные этой внезапной, живой искренностью. Он сжал кулаки, пытаясь заглушить дрожь, поднимающуюся изнутри, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Дима подошел к большому зеркалу в прихожей. На него смотрел успешный, спокойный мужчина. Тот, кем он всегда был. Но сейчас за этой спокойной маской обнаружилась иная сущность... смотрящая из треснувшего кокона... живая, незнакомая и потому пугающая. Как себя с ней вести, он не знал. Оттолкнуть и забыть — уже не мог. Дима снова взял в руки ключи — теперь они всегда будут лежать здесь, здесь теперь их место! И полотенца будет вешать как попало! И хлеб будет резать на столешнице, она каменная, черт побери!

Он снова посмотрел на себя. Он. Может. Помочь. Без него Аля не справится! Эта мысль была так же мучительна, как и пьяняща. Потому что быть опорой в чужих глазах — самый сильный наркотик для того, кто внутри абсолютно пуст.

Глава 5

Дима не видел и не слышал Алю несколько дней. После долгих размышлений, он принял решение закончить с этой историей. Помощь Але он поручит своему помощнику, тот прекрасно справится. Так он и обещание не нарушит, и совесть успокоит. «Да, так и сделаю, а сам „улечу в срочную командировку“. Ни к чему мне эти эмоциональные качели. В сорок пять лет я не собираюсь менять свою жизнь. Всё. Решено!»

Тишину кабинета взорвал телефонный звонок. Не рабочий, а тот, что заставил сердце Димы сделать болезненный, неровный толчок, несмотря на принятое решение. «Аля». Его палец инстинктивно потянулся к кнопке записи разговоров, но замер в сантиметре от стекла. «Нет. Только не это, не с ней». Он решительно выдохнул, поднес трубку к уху, дал себе секунду. Собрался. Голос ровный. Профессионал.

— Аля, здравствуйте. Все в порядке?

— Дмитрий... извините, я помню, вы говорили позвонить... если трудно... — ее голос был протертым до дыр, тонким и незащищенным.

— Вы сделали правильно. Что случилось?

Она ответила глухо. Дима никогда раньше не слышал такого выключенного голоса.

— Ничего нового. Врач сказал, что для прогнозов еще рано... Понимаете, я так ничего и не знаю о том вечере. Ничего. Полиция молчит. И от этого... так беспомощно.

Дима слушал ее голос и смотрел в окно. Мелкий суетливый снег засыпал холодный, отстраненный город. Днем город был как-то по-особому чужд и неприветлив. Вечерние огни делали его уютнее, добрее, мягче... Сейчас же серость за окном полностью соответствовала холоду в его душе. «Хорошо, что зима... Зелень и яркое солнце были бы сейчас не в тему», — подумал Дима, а вслух сказал:

— Я уже навел кое-какие справки, — он говорил негромко, заставляя слова звучать уверенно. — Есть пара камер в том районе. Я пытаюсь получить к ним доступ. Это требует времени.

Он не лгал. Он действительно дал своему человеку такое задание, но не ради Али. Сейчас Дима опасался не провала этих поисков, а успеха. Какую информацию добудет его человек? Что он, Дима, будет делать, если информация эта ему не понравится?.. Было странно — подозревать себя. Подозревать, ничего не помня. Сколько он ни пытался, сколько ни напрягал сознание, память молчала. Тот вечер так и оставался размытым алкогольным пятном. «Главное во время поисков — не выйти на самого себя! — иронизировал внутренний следователь, а другой голос, холодный и бесстрастный, напоминал: — Искать или не искать — не важно. Ты уже часть этого».

— Спасибо, — выдохнула Аля в трубку. Дима поморщился. В этой благодарности было столько облегчения, что ему стало отвратительно на душе. — Просто знать, что кто-то что-то делает... это уже дышать помогает.

Эта искренняя благодарность кнутом хлестнула по совести, оставив красный саднящий след.

— Как он? — Дима сменил тему, чтобы перевести дух.

— Без перемен, — пауза, сдавленное дыхание. — Но сегодня... знаете, — ее голос чуть оживился, — сегодня меня вдруг пустили к нему... — Дима кивнул. Он понимал, почему ее «вдруг пустили». Помог его звонок... но ничего не сказал, — Я говорила с ним. И его палец дрогнул. Я знаю, что это рефлекс, но мне показалось... мне показалось, он слышит.

И в этот момент Дима осознал — он хочет, чтобы этот парень выжил. Отчаянно, истово хочет. Не только ради Али — для себя... потому что в ее голосе, когда она говорила о сыне, была та настоящая жизнь, которую он в себе похоронил. Он хотел и дальше чувствовать эту

жизнь, наполняться ею... «Пользуешься чужой бедой, чтобы согреть собственную душу?», — съехидничала совесть. «Пользуюсь», — безжалостно согласился он. «Эгоист!» «Да, эгоист... пусть так!»

Мысль о том, что возможно, все великие дела на свете делаются из вот такого спасительного эгоизма, заставляющего тянуться к свету и теплу, даже если это свет и тепло от пламени чужого горящего дома, пришла к нему позже, ночью. Дима не прогнал ее и позволил устроиться в своей душе.

Дима пригласил Алю в кафе под предлогом «обсудить дело». Ему казалось, что пока она рядом, его подозрения не подтвердятся. Он хотел быть уверенным, что, находясь рядом, держит ситуацию под контролем, и убеждал себя, что именно в этом причина. Но это была жалкая ложь. Настоящая причина сидела глубоко в груди и настойчиво требовала своего однажды прозвучавшим голосом: «Хочу ее... Мне не все равно!» Эта «молодая» мысль отчаянно сражалась с увесистым решением «Всё закончить». Дима хотел понять, кто победит... Вот почему он пригласил Алю. Не для контроля, а для того, чтобы снова услышать голос, убедиться, что тот дикий порыв в снежном хаосе не был галлюцинацией. Его проснувшееся сердце теперь требовало свою дозу жизни — и этой жизнью оказалась она: хрупкая, отчаявшаяся женщина. Он шел на встречу не как успешный адвокат, пытающийся замять проблему, шел как голодный, уловивший тонкий аромат свежего хлеба. Шел всё еще прикрываясь, как щитом, своим решением «Всё закончить». Щит, правда, был картонный. Но других-то всё равно не было.

Дима выбрал столик в глубине зала, подальше от окон и чужих взглядов. Пока ждал, нервно вертел в пальцах холодную ложку, представляя, как Аля войдет — снова такая же потерянная и хрупкая, как в то утро. И даже просто представляя ее, почувствовал толчок под сердцем... смесь вины, страха и чего-то, в чем еще не готов был себе признаться. «Уймись, ты здесь по делу», осадил он себя.

Дима сразу ее увидел. Она вошла и потрясла головой, стряхивая капли, как уличная собачонка, забежавшая в тепло. Близоруко прищурилась и нашла его глазами. Подошла. Простая серая водолазка, джинсы, мокрые от снега волосы. Сдержанно поздоровалась, подышала в ладони, согревая руки. Она пахла зимой и больницей.

Когда она неуверенно улыбнулась, а ее пальцы, холодные и легкие, коснулись его руки при приветствии, Дима понял: он не просто боится правды о том вечере. Он боится, что эта хрупкая женщина, с глазами, полными боли, станет для него единственной правдой. И тогда — прощай, контроль. Прощай, старая жизнь. И здравствуй новая, в которой ему придется отвечать не только за возможное преступление, но и за это новое, живое чувство, у которого еще не было названия, но которое грозило смести всё на своем пути.

Аля села напротив и улыбнулась ему, слабо, лишь уголками губ. Скользнув по Диме взглядом, она заметила — обручальное кольцо исчезло. Аля внутренне выругала себя: «Кольцо? Что? О чем ты думаешь? Какое тебе дело до его кольца?!» Аля еще в машине, когда он передавал ей карточку, обратила внимание на тонкое обручальное кольцо, блеснувшее на его руке. Удивительно — женщина может не запомнить цвета глаз мужчины, но наличие или отсутствие обручального кольца увидит всегда... Неосознанно... Рефлекторно...

Принесли кофе. Молчание висело между ними тяжело и неприглядно, как мокрая простыня под дождем. О чем говорить — не знали.

Дима наблюдал, как она механически размешивает ложечкой кофе, рисуя ровные круги на плотной молочной пене. Она держала изящную ложечку тонкими пальцами с обкусанными ногтями. Дима смотрел на эту тонкую руку и испытывал странное желание — накрыть ее своей ладонью, просто чтобы остановить этот бесконечный, тревожный гипнотический круг. Но его рука, слегка дернувшись, так и осталась лежать на столе.

Аля тоже пребывала в смятении. Зайдя в кафе, она сразу увидела Диму и тут же пожалела, что приняла приглашение. Зачем она притащилась сюда? Ее место сейчас там, рядом с сыном. Если не у кровати, то под дверью реанимации, если не под дверью — то, хотя бы в больничном холле, в машине, в конце концов! Она рисовала на кофейной пенке круги, круг за кругом обещая себе, больше ни за что не звонить этому человеку, и тут же парируя, что он единственный, кто реально может помочь. Она не знала, куда деть глаза, руки, надо ли что-то говорить и, если надо, то что? Банальные фразы о благодарности? О том, какие ужасные нынче стоят погоды? Или о том, что коммунальщики снова не убрали снег с городских улиц? Бред. Глупость... Она старалась не поднимать на него глаз, потому что, когда он смотрел на нее так пристально, с легким прищуром, в ее душе поднималась странная волна, становившаяся все ощутимее. А она не хотела сейчас чувствовать ничего, кроме страха за сына. Она не имела права думать ни о чем больше и запрещала себе любые мысли, кроме мыслей о Дане.

Они сидели напротив, каждый в своей ловушке, в клетке, прутьями которой были интерес друг к другу и запрет на этот интерес. Каждый вел внутренний бой, внешне оставаясь спокойным, даже чуть отстраненным.

Тихо играла музыка. Недалеко от их столика разожгли камин. Затрещали поленья. Вкусно потянуло горьковатым дымом. В углу, в бархатных сумерках зала, старинные напольные часы темного дуба размеренно покачивали латунным маятником. Бесконечное, успокаивающее «тик-так», в такт которому выстраивались вдруг разбежавшиеся мысли. Часы пробили четверть. Звук низкий, густой, обволакивающий. Он не нарушил уют, а лишь подчеркнул его, наполнив зал ощущением неспешного течения времени. Над чашками плавал плотный аромат хорошего кофе. Уютно. Тихо. Спокойно.

Аля смотрела на часы, грея руки о чашку. «Тик-так. Он-жив. Тик-так. Надо-ждать», — успокаивали часы.

Дима провожал маятник тяжелым взглядом. «Тик-так. Ты-виновен. Тик-так. Ты-лжец», — обвиняли часы, словно отмеряя секунды до того момента, когда его подозрения подтвердятся.

— Расскажите о нем, — наконец, попросил Дима, переводя взгляд на огонь в камине. Он откинулся в кресле и закинул ногу на ногу.

Аля задумалась, глядя на часы и теребя ноготь указательного пальца. Зазвонил телефон. Посмотрев на него, Аля смахнула вызов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.